

Итак, появлению субъекта суждения предшествуют по крайней мере три ступени: бытийная, таксономическая и номинативная. В естественных языках, не пользующихся логическими переменными, первые два этапа — экзистенциальный и таксономический — необходимо объединены: в бытийном предложении, в котором обычно участвует имя широкого класса предметов, сообщается и о существовании некоторого предмета, и о его вхождении в определенный класс. Вместо «Существует нечто. Это — слон» говорят «Жил-был слон». Экзистенциальная часть этого утверждения направляет коммуникативный фокус на денотат имени, а таксономическая — на сигнификат. Удвоенность ремы соответствует удвоенности логической структуры бытийных предложений, объединяющих экзистенциальное и таксономическое утверждения.

В логической записи квантор существования ставится перед переменной, вслед за которой указываются свойства объекта: $\exists x\Phi(x)$ «существует такой x , что...» (например, существует число, которое делится на семь). И здесь экзистенциальность не составляет автономного утверждения: существовать значит не только иметь субстанцию, но и обладать некоторыми свойствами.

Различие между бытийным предложением естественного языка и логической формулой можно, как кажется, видеть в том, что в первом случае экзистенциальному утверждению обычно сопутствует таксономия, основывающаяся на комплексе диффузных черт, а в логической записи, применяемой к операциям над абстрактными величинами, утверждение о существовании сопровождается характерной предикацией, в которой свойство предмета четко определено.

«Чистое» утверждение о существовании верифицируется возможностью указания на предмет. Сущее представляется человеку как осязаемое — ср. следующее рассуждение Горького по этому поводу: «Все — возможно. И возможно, что ничего нет, поэтому мне нужно дотрагиваться рукою до заборов, стен, деревьев. Это несколько успокаивает. Особенно — если долго бить кулаком по твердому, убеждаешься, что оно существует» (М. Горький. «О вреде философии»). Не-философа, впрочем, убеждает уже возможность указания на предмет. Этим обеспечивается дейктический (указательный) субъект следующих за экзистенциальным утверждением, в которых бытийная рема (*есть, существует*) переходит в дейктическую тему (*это*), присоединяющую к себе таксономический предикат. Последний сообщает о вхождении в класс предмета, о котором известно только то, что он существует (субстанциален), ср. *Это — заяц (дерево, туча, солнце, снежинка)*. Сама возможность дейктического (не анафорического) субъекта при таксономическом предикате подтверждает допустимость условного расчленения бытийных предложений на «чисто» экзистенциальное утверждение и присоединяемое к нему сообщение о принадлежности предмета к естественному классу. Об этом же свидетельствует структура вопроса, провоцирующего таксономический ответ: — *Что это? — Это — карандаш*. Соединение дейктического субъекта и таксономического предиката образует предсуждение, необходимое для вынесения и понимания последующих общих и частных суждений.

Таксономический предикат относится к «глобальному» субъекту, т. е. к предмету, не расчленяемому мысленно на определенные аспекты или параметры (форму, цвет, вес, динамику, положение в пространстве и пр.). Более того, таксономический предикат сам служит целям параметризации объекта, т. е. выделению в нем некоторого количества аспектов. В последующих за таксономией суждениях предикаты обычно относятся уже не к глобальной, а к параметризованной субстанции (веществу, предмету). Они характеризуют определенные стороны субъекта в диапазоне допустимого варьирования признаков, т. е. в заданном спектре. Таксономическое